

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПОЛИТИКА РОССИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

С.С. Жильцов

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье проанализирована эволюция внешней политики России в Каспийском регионе на современном этапе (1991—2012). Рассмотрены изменения в подходах российской внешней политики по ключевым проблемам региона: международно-правовому статусу Каспия, добыче и транспортировке каспийских углеводородных ресурсов, милитаризации и экологии.

Ключевые слова: Каспийский регион, политика России, международно-правовой статус, углеводородные ресурсы, экология, милитаризация.

Современная российская внешняя политика в Каспийском регионе (1) берет свое начало с 8 декабря 1991 г., когда в Беловежской пуще было образовано СНГ [20]. В результате на Каспии, который почти 250 лет был зоной российско-иранских политических и экономических интересов, появилось пять государств. К России и Ирану добавились новые «владельцы» — Азербайджан, Туркменистан и Казахстан (2).

Каспийский регион превратился в сложный клубок интересов прикаспийских государств, зачастую весьма противоречивых, стал местом столкновения геополитических стратегий внерегиональных стран. Этому способствовали месторождения нефти и газа Каспийского региона, которые вызвали повышенный интерес у западных государств и стремительно приобрели ключевое значение для новых прикаспийских стран.

Освоение ресурсов региона стало предметом самого острого соперничества, в котором региональная активность Запада в целом была направлена на уменьшение влияния России. В свою очередь, молодые наследники Союза Советских Социалистических Республик объявили свои права на богатства Каспия, в связи с чем обострилась проблема раздела моря [9. С. 80—102].

В правовом отношении Россия опиралась на принцип непрерывности (континуитета) российской государственности, согласно которому Российское госу-

дарство (Российская империя), РСФСР, СССР и Российская Федерация — один и тот же участник межгосударственных отношений, один и тот же субъект международного права, который продолжает осуществлять права и выполнять обязательства, вытекающие из его международных договоров. Достаточно уверенная позиция России по данному вопросу в первой половине 1992 г. определялась тем, что ее правопреемство в отношении статуса Каспия новые прикаспийские государства подтвердили в Алма-Атинской Декларации от 21 декабря 1991 г., согласно которой государства — участники Содружества гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и обязательств бывшего СССР [8].

Россия выступала за то, чтобы установленные Договорами режимы свободы судоходства и рыболовства (в последнем случае — за исключением 10-мильной прибрежной зоны), запрет на плавание судов под флагами некаспийских стран продолжали действовать. Российская сторона отстаивала сохранение принципа «общей воды», который она предлагала взять за основу при выработке нового правового статуса Каспия.

Помимо этого Россией был поставлен вопрос о сохранении биоресурсов Каспия, прежде всего осетровых видов, и заключении соглашения об управлении запасами биоресурсов на основе существующего правового режима Каспийского моря, предусматривающего свободу рыболовства по всей его акватории. Фактически прикаспийским странам предлагались условия, при которых они до заключения нового договора не могли осуществлять никакой деятельности на Каспии без согласования с Россией и Ираном.

Позиция России не нашла поддержки в других прикаспийских странах. Более того, новообразованные прикаспийские государства выдвигали требование о закреплении за ними национальных участков Каспия. Практически с этого времени начался переговорный процесс по разграничению моря.

После распада СССР Россия стремилась сохранить геополитический контроль над прикаспийскими государствами. Был взят курс на сохранение доминирующей роли в определении энергетической ситуации в регионе, в частности в добыче и транспортировке углеводородных ресурсов из новых прикаспийских стран, тем более что каспийская нефть вновь приобрела исключительно важное значение, став основой экономического развития для стран региона и для мирового рынка [23. С. 298]. Отсутствие у новых прикаспийских государств собственной сети трубопроводов способствовало реализации политики России, которая стала проявлять повышенный интерес к действующим или находящимся в стадии разработки проектам нефте- и газопроводов, через которые могли экспортироваться углеводородные ресурсы Казахстана, Азербайджана и Туркменистана. Трубопроводы стали острой внешнеполитической проблемой для России и одновременно, одним из главных инструментов в борьбе за сохранение доминирующего положения в регионе [5. С. 52—63].

Одним из первых реальных российских маршрутов транспортировки казахстанской нефти был нефтепровод Тенгиз—Новороссийск. Он должен был вывести

углеводородные ресурсы Казахстана на внешний рынок и укрепить политическое влияние России [26. С. 138]. С этой целью в июле 1992 г. было подписано Соглашение о создании Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) [5. С. 64—89].

Другим направлением экспорта каспийских ресурсов, которому Россия придавала большое значение, был нефтепровод Баку—Новороссийск.

Для России эти нефтепроводы имели большое значение, поскольку сохраняли рычаги влияния на прикаспийские страны, одновременно уменьшая вероятность строительства альтернативных трубопроводов. Стратегическая цель России состояла в том, чтобы Азербайджан и Казахстан транспортировали свою нефть через Новороссийский порт. Однако с подобными подходами были не согласны прикаспийские страны. Еще более сильное противодействие оказывали внерегиональные государства и зарубежные нефтегазовые компании. Последние, не дожидаясь окончательного решения вопроса по международно-правовому статусу Каспия, действовали в регионе все активнее, торопясь принять участие в большом бизнесе на каспийских углеводородах через вхождение в консорциумы по их разработке. К активному участию в освоении нефтегазовых ресурсов Каспийского региона стремился российский нефтяной капитал, зачастую не согласовывая свои действия с государственными органами. Взаимоотношения нефтяных компаний и государства осложнялись отсутствием четко сформулированной концепции государственных интересов России в Каспийском регионе [27. С. 70—76].

В итоге российская политика не опиралась на продуманную, логически обоснованную, целостную стратегию, подкрепленную механизмами ее реализации, носила фрагментарный характер и являлась результатом несогласованных подходов отдельных ведомств и нефтегазовых компаний к решению региональных проблем.

На российскую политику в регионе оказывали влияние внутривнутриполитические события в прикаспийских странах. Так, подписание Азербайджаном 20 сентября 1994 г. контракта с крупными нефтяными компаниями о разработке нефтяных месторождений на шельфе Каспия (месторождения Азери, Гюнешли, Чираг), получивший название «контракт века», было негативно оценено Россией, которая продолжала выступать за совместное использование Каспийского моря.

Реагируя на односторонние действия Баку, МИД РФ направила Генеральной Ассамблее ООН документ, в котором предупредила о том, что «односторонние действия в отношении Каспия являются незаконными и не будут признаваться Российской Федерацией, которая оставляет за собой право принять такие меры, которые будут необходимы, и которое оно сочтет подходящим для восстановления нарушенного правопорядка и ликвидации последствий, возникших в результате односторонних действий» (3).

Однако усиление внимания к Азербайджану западных стран и поддержка со стороны нефтегазовых компаний позволили Баку проигнорировать заявление России. Тем более что ее позиции значительно ослабили события в Чеченской Республике, которая в начале 1990-х гг. фактически вышла из-под контроля феде-

ральных властей. Повышенный интерес к этому субъекту РФ, не имеющего прямого выхода на берега Каспия, определялся тем стратегическим положением, которое он занимал, являясь важным звеном в транспортировке каспийской нефти, где стыкуются нефтепроводы из Азербайджана и Казахстана.

В конце 1994 г. Россия попыталась с помощью силы восстановить конституционный порядок в Чечне. Однако затянувшийся конфликт приостановил прокачку нефти через ее территорию и прервал железнодорожное сообщение Дагестана с Россией. Чеченская война напрямую была связана с конкуренцией многих стран и компаний за обладание не только каспийской нефтью, но и за маршруты ее экспортного транзита. Так, бывший руководитель Комитета национального спасения Чечни Умар Авторханов говорил: «Не будь у нас проклятой трубы, не будь каспийской нефти, не будь интересов различных дельцов, то войны бы в Чечне не было» [10. С. 159].

Россия стремилась путем переговоров решить проблему правового статуса Каспия, несмотря на то, что в середине 1990-х гг. его поиск приобрел двойственный характер.

С одной стороны, прикаспийские страны собирались для выработки единой позиции. Так, в мае 1995 г. (4) состоялось Сопровождение заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств, которые пытались согласовать интересы стран региона. Чуть позже руководители правовых департаментов МИД прикаспийских государств по вопросам правового статуса Каспийского моря провели в Тегеране первое совещание (5), на котором договорились о создании постоянно действующего переговорного механизма по выработке статуса.

С другой стороны — Азербайджан при поддержке международных нефтяных компаний полным ходом проводил освоение месторождений на «своей» акватории Каспия. В итоге переговорный процесс по правовому статусу и освоение нефтегазовых месторождений на Каспии фактически существовали отдельно друг от друга.

В 1995 г. Россия пошла на изменение своей энергетической политики в Каспийском регионе, приступив к исследованию в северной части Каспия.

В отличие от новых прикаспийских государств, до этого времени Россия практически не проявляла интереса к шельфу Каспия, который считался малоперспективным с точки зрения наличия в его недрах углеводородного сырья. Однако активная разработка прикаспийскими странами нефтегазовых месторождений подстегивала Россию к началу исследований своего шельфа. В результате в ноябре 1995 г. в рамках Государственной программы по изучению Каспийского шельфа началась геолого-геофизическая работа на российском шельфе Каспия. Тогда же «Лукойл» приступил к осуществлению геологических и геофизических работ на каспийском шельфе. Специально для этого проекта была закуплена и модернизирована полупогружная буровая установка «Астра» [1. С. 18].

Кроме этого, Россия пересмотрела отношения с каспийскими государствами, усилив сотрудничество с одними и ужесточив позиции в отношении других. Так, Россия отказала Туркменистану в прокачке его газа через свою территорию, хо-

тя до 1994 г. Ашхабад имел квоту в 11% в общем объеме экспорта российского газа. Причина этого заключалась в том, что Россия была заинтересована увеличить собственные поставки газа на внешние рынки и обеспечить приток валютных поступлений. В итоге туркменский газ был вытеснен с постсоветского пространства и оказался в полной изоляции от основных рынков сбыта, в первую очередь с украинского рынка.

В то же время Россия активизировала переговоры с Азербайджаном, пытаясь добиться от Баку согласия на транспортировку азербайджанских углеводородов через свою территорию. Россия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы экспорт азербайджанской и казахстанской нефти осуществлялся через Новороссийск. Это было стратегически важное направление транспортировки каспийской нефти, что объясняло те усилия, которые предпринимала Россия, добиваясь права экспортного транзита каспийской нефти этих стран.

В январе 1996 г. Россия и Азербайджан подписали соглашение о транспортировке азербайджанской нефти до Новороссийска. Тем самым Россия получила возможность восстановить за собой решающую с геополитической точки зрения роль в транспортировке каспийских углеводородов и оказывать влияние на баланс политических и экономических интересов стран, вовлеченных в реализацию трубопроводных проектов. Однако на пути реализации этих планов стояла Чечня, которая рассчитывала получить максимальные дивиденды от разрешения прокачки нефти через свою территорию. Не случайно в российском правительстве подчеркивали, что «Россию устроит любой договор с Чечней, лишь бы работал нефтепровод» [16].

Кроме того, российские устремления шли в разрез с интересами США и нефтегазовых компаний, которые выступали против сохранения зависимости прикаспийских стран от России. В результате против российского маршрута трубопровода была развернута настоящая информационно-политическая война.

Возрастающее влияние западных нефтяных компаний и начало освоения месторождений нефти и газа в прикаспийских странах заставили Россию активизировать свою политику.

В 1996 г. Россия выдвинула новую инициативу о принципах определения правового статуса Каспия, предложив компромиссный вариант (6). Он заключался в том, что Россия готова была признать юрисдикцию каждого прикаспийского государства не только в прибрежных зонах шириной до 45 миль, но и в отношении тех месторождений, которые находятся за согласованными пределами упомянутой зоны, где добыча нефти уже ведется или должна вскоре начаться. И хотя это предложение не нашло поддержки в прикаспийских странах, тем не менее, в России не оставляли попыток найти компромиссный вариант по статусу Каспия. В российском МИДе была создана Рабочая группа по Каспийскому морю, на которую была возложена подготовка предложений о позиции РФ по вопросам статуса и режима Каспия, эксплуатации его био- и минеральных ресурсов, а также по проблемам транспортировки каспийской нефти (7).

В октябре 1996 г. состоялись пятисторонние переговоры прикаспийских государств на уровне министров иностранных дел. Их весьма низкая результатив-

ность привела к созданию странами региона специальной Рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств для разработки Конвенции по правовому статусу Каспийского моря (8).

Новый этап политики России на Каспии начался с российского предложения разграничить между сопредельными и противолежащими государствами участки морского дна с целью недропользования, сохранив в общем пользовании большую часть водной толщи и поверхности. О новой позиции России было объявлено в январе 1998 г. в совместном заявлении президентов РФ и Казахстана: «Достижение консенсуса предстоит найти на условиях справедливого раздела дна Каспия при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды». Тем самым Россия согласилась с тем, чтобы отдельные участки дна Каспийского моря были поделены между прикаспийскими государствами.

В июле того же года (9) было подписано российско-казахстанское Соглашение «О разграничении дна северной части Каспийского моря с целью соблюдения суверенных прав на недропользование, основанное на принципе „срединной линии“ (10). В Соглашении говорилось, что «дно северной части Каспийского моря и его недра при сохранении в общем пользовании водной поверхности, включая обеспечение свободы судоходства, согласованных норм рыболовства и защиты окружающей среды, разграничиваются между Сторонами по срединной линии, модифицированной на основе принципа справедливости и договоренности сторон». Также в документе было отмечено, что «Стороны осуществляют суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии» (11).

Изменение позиции России было вызвано различными факторами. Новые подходы России, которые поддержал Казахстан, отражали те колоссальные геополитические сдвиги, которые произошли в Каспийском регионе. Стало очевидным, что жесткая приверженность прежним позициям, ориентация только на советско-иранские договоры без поиска новых форм сотрудничества может привести к политической изоляции России, ограничить ее участие в региональных процессах.

Один из руководителей Рабочей группы МИД РФ по Каспийскому морю Андрей Урнов отмечал, что есть один очень важный нюанс. На дне разграничивается не территория, а перспективные структуры и месторождения, т.е. госграница не проводится под водой. В отличие от территориальной такая юрисдикция называется ресурсной. Утверждения, будто бы согласившись на разграничение дна, Россия согласилась на раздел моря на национальные сектора — либо заблуждение, либо злонамеренное искажение истины. Разграничение дна имеется в виду осуществить с помощью модифицированной срединной линии. Ее отличие от классической заключается в том, что классическая линия — это техническая линия, которая разграничивает пространство строго по науке. Модифицированная линия — линия политическая. Она проводится участниками переговоров на основе классической, но с отступлениями от нее в пользу той или иной стороны с тем, чтобы с учетом целого комплекса обстоятельств, включая уже понесенные затраты, справедливо поделить находящиеся подо дном ресурсы [6. С. 67—83].

Избрание в марте 2000 г. президентом РФ В.В. Путина ознаменовало собой начало нового этапа в российской внешней политике в Каспийском регионе. Можно говорить о том, что с его приходом начали выработываться новые подходы в политике России в Каспийском регионе.

Новая каспийская политика была взята В. Путиным не в готовом виде, а формировалась по мере его продвижения по служебной лестнице. Заместитель начальника управления международной безопасности Совета Безопасности РФ Александр Стоппе пояснил, с чего началась новая каспийская политика России [7]. «Предложение, чтобы вопрос о Каспии был заслушан на Совете Безопасности, готовил Владимир Путин. Тогда он был нашим шефом — секретарем Совета Безопасности. Документы он вносил на заседание Совбеза, уже став председателем правительства. Проводил заседание Совбеза, будучи исполняющим обязанности президента. А утверждал решение Совбеза — уже избранным президентом».

В апреле 2000 г. под председательством российского Президента состоялось заседание Совета Безопасности (СБ) РФ (12), на котором рассматривались проблемы Каспия: от экологических до военных, а также обсуждалась политика России в этом регионе.

Сам факт вынесения данного вопроса на рассмотрение СБ свидетельствовал о том значении, которое российское руководство стало уделять данному региону. На заседании СБ было подчеркнуто, что Каспий является «традиционной зоной национальных интересов России» и его значение для безопасности российского государства серьезно возросло. Другим подтверждением значения региона для России стало утверждение СБ РФ поста Специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам урегулирования статуса Каспийского региона в ранге замминистра иностранных дел РФ. На эту должность с поста министра топлива и энергетики был переведен Виктор Калюжный. Пост спецпредставителя российского президента стал аналогом спецпредставителей президента и госсекретаря США, которые весьма активно участвуют в выработке подходов по ключевым проблемам внешней политики. С введением данной должности Россия намеревалась усилить работу с прикаспийскими странами, сделать свою политику более активной, целостной и скоординированной.

Позже значение Каспийского региона нашло свое отражение в ряде основополагающих документов. В Концепции внешней политики РФ, принятой летом 2000 г., обращалось внимание на усиление, наравне с экономическим, дипломатического влияния России на Каспии. «Россия будет добиваться выработки такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе, с учетом законных интересов друг друга...» [12].

Сразу после назначения на пост Спецпредставителя Президента России по Каспию В. Калюжный заявил о новых подходах в определении международно-правового статуса Каспийского моря. Россия предлагала поэтапно решать проблемы Каспия, не увязывая их с достижением согласия по определению статуса. В. Калюжный предложил при совместном освоении спорных месторождений использовать принцип 50 на 50, тем самым показав, что российская политика в от-

ношении правового статуса Каспия стала ориентироваться на принципы экономического прагматизма. В тоже время А. Урнов отмечал, что «у Каспийского моря есть правовой статус. Он установлен советско-иранскими договорами 1921 и 1940 гг., и пока нового статуса не принято, он продолжает действовать, поскольку все бывшие союзные республики, а ныне суверенные государства признали договоры, заключенные Союзом ССР. Это означает, что Каспийское море по-прежнему находится в общем пользовании всех, только теперь уже пяти, а не двух, как в прошлом, прикаспийских государств; что эти государства имеют равные права на его использование; что для них действует режим свободы судоходства и рыболовства; что плавание по морю судов под флагами некаспийских стран запрещено; что за исключением 10-мильной прибрежной зоны разграничение водного пространства Каспия недопустимо».

И далее: «Каспийское море, которое не имеет естественного соединения с мировым океаном, представляет собой уникальный внутриконтинентальный водоем и с международно-правовой точки зрения не может рассматриваться ни как море, ни как озеро. В частности, на него не может распространена Конвенция по морскому праву 1982 года с ее исключительными экономическими зонами, континентальными шельфами и т.д. Здесь должно действовать прецедентное право. Все права в отношении моря принадлежат исключительно прикаспийским государствам и не должны прямо или косвенно передаваться третьим сторонам, что разумееется, не исключает возможности сотрудничества с ними» [25].

Таким образом, Россия по-прежнему придерживалась советско-иранских договоров, одновременно стремясь учитывать позиции других прикаспийских государств.

Тогда же А. Урнов объяснил причины изменения российской политики: «Первоначально Россия выступала за то, чтобы новая Конвенция сохранила зафиксированный в советско-иранских договорах принцип общего пользования морем, распространив его на недропользование. Поддержку в данном вопросе мы, однако нашли лишь у Ирана. Азербайджан, Туркменистан и Казахстан с нами не согласились, причем Баку, а за ним и Ашхабад выдвинули требование о разделе моря на национальные сектора под полным суверенитетом каждого прикаспийского государства, т.е. на разграничение моря посредством госграниц по всему профилю — дно, водная толща, поверхность, воздушное пространство. Азербайджаном и Туркменистаном в одностороннем порядке были приняты соответствующие юридические акты, которые мы не можем признать правомерными. Для России секторальный раздел неприемлем. Он означал бы подрыв сложившейся за многие десятилетия вполне рациональной системы хозяйственного использования моря, позволил бы каждому прибрежному государству под тем или иным предлогом устанавливать в своем секторе любые ограничения для других прикаспийских стран. В процессе раздела наверняка возникла бы масса новых проблем, начались территориальные споры и конфликты. Вместе с тем, в интересах компромисса, с учетом отсутствия соответствующих норм в советско-иранских договорах и уже начатого каспийскими государствами процесса освоения углеводородов дна моря,

Россия выдвинула предложение разграничить между сопредельными и противолежащими государствами участки морского дна в целях недропользования, сохранив в общем пользовании большую часть водной толщи и поверхности» [25].

Таким образом, Россия предлагала поэтапный путь решения каспийских проблем, включая судоходство, экологию, использование биологических ресурсов. При этом поверхность моря и толщина воды должны были оставаться в общем пользовании, а разграничение касалось только дна.

Предложения России активизировали переговорный процесс прикаспийских государств.

9 сентября 2000 г. была подписана Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море. В ней страны подтвердили свою «готовность совместно способствовать эффективному продвижению пятистороннего переговорного процесса по Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, придания регулярного характера деятельности Специальной Рабочей группы на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств» [4].

Российско-казахстанский вариант решения проблемы правового статуса Каспия показался привлекательным и для других прикаспийских государств. Во время визита Президента РФ В. Путина в Азербайджан в январе 2001 г., стороны попытались найти точки соприкосновения, в том числе и по проблеме правового статуса Каспийского моря. В ходе визита было подписано Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море, в котором предлагалось «на первом этапе разграничить дно Каспийского моря между сопредельными и противолежащими государствами на секторы/зоны на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленных точек и модифицированной по договоренности сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся практики на Каспии».

Суть соглашения можно было охарактеризовать следующей формулой: «Дно делим — вода общая». Кроме того, «стороны согласились, что за каждым из прибрежных государств в образуемом в результате такого раздела секторе/зоне будут признаваться исключительные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельностью на дне» [19]. По сравнению с российско-казахстанской Декларацией новое в этой формулировке — употребление термина «сектор/зона» и добавление о «другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности на дне».

Данное Соглашение показало, что Россия приняла решение урегулировать вопрос статуса прежде всего со своими соседями: Казахстаном и Азербайджаном. При этом, принцип справедливого разграничения дна — это максимум, на что была готова пойти Россия.

Основные положения российской внешней политики на Каспии в начале первого десятилетия XXI в. нашли свое отражение в Морской доктрине России [18].

В ней, в частности, говорится, что Каспийский регион обладает уникальными по объемам и качеству минеральными и биологическими ресурсами, и на данном

региональном направлении должны решаться следующие долгосрочные задачи: «определение выгодных для Российской Федерации международного правового режима Каспийского моря, порядка использования рыбных запасов, месторождений нефти и газа; совместная с прибрежными государствами деятельность по сохранению морской среды».

К концу 2001 г. все отчетливее стала проявляться новая тенденция в российской политике на Каспии. Россия стремилась выстроить четкую систему механизмов, направленных на решении ключевых проблем, определяющих геополитическую ситуацию в регионе: правовой статус Каспийского моря; военная составляющая; борьба с терроризмом и браконьерством; вопросы экологии и транспорта; социально-экономическое развитие прикаспийских субъектов РФ и налаживание двустороннего сотрудничества с прикаспийскими государствами.

Важной составляющей российской политики на Каспии по-прежнему выступали трубопроводы. В 2001 г. была введена в эксплуатацию первая очередь нефтепровода КТК. Строительство нефтепровода Тенгиз—Новороссийск стало геополитической победой России на Каспии за право транспортировать казахстанскую нефть.

Данный трубопровод усиливал российское влияние в регионе, являясь альтернативой другим направлениям нефтяного экспорта из Каспийского региона. Тогда же было принято решение о начале строительных работ по расширению возможностей прокачки нефти по КТК. К 2015 г. мощность трубопровода должна возрасти с 32 млн т до 67 млн т нефти в год.

Позже Россия подписала с Казахстаном долгосрочное межправительственное соглашение, по которому казахстанской стороне была гарантирована возможность транспортировать нефть по направлению Атырау — Самара в объеме не менее 15 млн т в год.

Переломным в российской политике на Каспии можно считать 2002 г., когда Россия активизировала каспийское направление и выдвинула ряд инициатив, которые стремилась реализовывались в последующие годы. Так, Россия попыталась объединить усилия прикаспийских стран в энергетической сфере, выступив с инициативой создания Евразийского альянса производителей газа. В это объединение, помимо России, должны были войти Туркменистан, Казахстан и Узбекистан. Речь шла о координации экспортной политики прикаспийских стран. Россия выдвинула это предложение под влиянием усиливающейся конкуренции за будущие пути экспорта углеводородного сырья из стран Каспийского региона, а также из-за появления американских военных баз в странах Центральной Азии, которые расширили коммерческие возможности для компаний из США. Тем самым Россия пыталась внести элемент стабильности в транспортировку газа на долгосрочной основе.

Одновременно Россия инициировала поиск решения проблемы международно-правового статуса Каспия на многосторонней основе. С этой целью 23—24 апреля 2002 г. в Ашхабаде состоялся первый саммит глав прикаспийских государств. Несмотря на то, что на нем не было подписано итоговых документов, подготовка

к его проведению активизировала переговорный процесс по правовому статусу Каспия. В этой связи основным итогом саммита можно считать устное заявление Президента России В. Путина о том, что пять лидеров прикаспийских стран готовы встречаться и дальше с целью решения широкого круга проблем. Российский президент предложил создать межправительственный центр по мониторингу среды Каспия и одновременно выступил с инициативой расширить находящиеся под национальной юрисдикцией прибрежных зон каспийских государств, которые были ограничены рыболовными 10-ю милями. В. Путин предложил расширить эту зону до 15 миль.

Итоги российской политики по вопросу правового статуса Каспийского моря за десятилетие подвел В. Калужный, заявив следующее: «...в течение последнего десятилетия процесс правового урегулирования проблем Каспийского моря серьезно отстал от того, что происходит на Каспии де-факто. Политики и бизнесмены обгоняют юристов. Это повод для беспокойства. Ведь без прочного правового фундамента не может быть надежно обеспечено упорядоченное и цивилизованное сосуществование прибрежных государств, их сотрудничество между собой и с внерегиональными партнерами, рациональная хозяйственная деятельность и природоохрана Каспия. Наша исходная позиция состоит в том, что исключительным правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов обладают сегодня пять государств, которые расположены на его берегах. Определение правового статуса Каспийского моря, форм и методов его использования является делом самих государств. Договоренности относительно правового статуса Каспийского моря в целом возможны только на основе общего согласия «пятерки» [11. С. 5—8].

И далее: «считали и считаем, что правовой статус у Каспийского моря есть. Он определяется Договором между Российской Социалистической Федеративной Республикой и Персией от 26 февраля 1921 года и Договором о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 года. Установленные этими договорами режимы свободы судоходства и рыболовства (в последнем случае — за исключением 10-мильной прибрежной зоны), запрет на плавание судов под флагами некаспийских стран продолжают действовать и должны строго соблюдаться. Это в равной мере относится и к «старым» и к «новым» прикаспийским государствам, главы которых вместе со своими коллегами из других государств — участников СНГ заявили в Алма-Атинской Декларации от 21 декабря 1991 года, что гарантируют выполнение международных обязательств, вытекающих из договоров и соглашений бывшего Союза ССР» [11. С. 5—8].

В конце апреля 2002 г. состоялся визит Президента России в Астрахань (13), где он провел совещание по проблемам развития Каспийского региона и определил роль субъектов России на Каспии. Учитывая место проведения совещания и то, что Президент изложил основные проблемы, которые касались России в этом регионе, выступление В. Путина можно считать *программой действий России на Каспии*. Президент РФ определил пять основных проблем, которые должны

быть в центре внимания российской политики. Среди них: транспортные проблемы, вопросы развития новых месторождений углеводородного сырья, проблемы экологического контроля, сохранения биоресурсов, а также социальные вопросы. Данные задачи не утратили своей актуальности и спустя десятилетие.

В августе 2002 г. Россия, впервые с момента распада СССР, провела большой сбор-поход Каспийской флотилии, который проходил в Северной и Центральной части Каспийского моря. На военных учениях отрабатывались такие вопросы, как борьба с терроризмом, предотвращение и ликвидация экологических катастроф, решение задач спасения на море, предотвращение проникновения наркотиков на территорию государств региона.

Сбор-поход был призван продемонстрировать военные возможности России, а также оказать политическое давление на прикаспийские страны. Кроме того, Россия подтвердила свои притязания на статус ведущей региональной державы, который несколько пошатнулся за последнее десятилетие, и напомнила как прикаспийским странам, так и внерегиональным государствам, что у нее есть не только стратегические интересы, но и рычаги, с помощью которых она может их отстаивать.

Прогресс в определении международно-правового статуса Каспия на двусторонней основе был достигнут 23 сентября 2002 г., когда Президенты России и Азербайджана подписали Соглашение о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря [21. С. 15—16].

В статье 1 документа подчеркивалось, что «дно Каспийского моря и его недра разграничиваются между Сторонами на основе метода срединной линии, проводимой с учетом равноудаленности точек и модифицированной по договоренности Сторон, а также с учетом общепризнанных принципов международного права и сложившейся на Каспии практики». В Статье 2 отмечалось, что «освоение минеральных ресурсов структур, пересекаемых линией разграничения, будет осуществляться на основе международной практики, применяемой при освоении трансграничных месторождений уполномоченными организациями, назначенными Правительствами Сторон». В Соглашении также были указаны точные координаты проведения линии разграничения и отмечено, что «стороны осуществляют свои суверенные права в отношении минеральных ресурсов и другой правомерной хозяйственно-экономической деятельности, связанной с недропользованием на дне в пределах своих данных секторов до линии разграничения, определенной в Статье 1 настоящего Соглашения». В соответствии с соглашением «стороны будут содействовать достижению общего согласия прикаспийских государств о разграничении дна Каспийского моря с учетом принципов настоящего соглашения».

По мнению В. Калужного, «если учесть, что в конце 2001 года Соглашение о разграничении дна было подписано между Азербайджаном и Казахстаном [22], можно сделать вывод: взаимодействие трех стран при освоении минеральных ресурсов дна северного и центрального Каспия обретает прочную международно-правовую основу» (14).

Таким образом, к концу 2002 г. Россия, Казахстан и Азербайджан пришли к единому мнению относительно принципа раздела Каспийского моря, которое заключалось в том, чтобы разделить только дно, а водную поверхность моря оставить общей. В. Калюжный заявил, что «произошел настоящий прорыв в деле международно-правового урегулирования деятельности по освоению минеральных ресурсов Каспия» (15).

Данное сближение было достигнуто в результате компромиссного подхода трех стран. Азербайджан перестал форсировать раздел Каспия на сектора, хотя и не отказался от этой идеи, а Россия смягчила свой подход, согласившись на разграничение месторождений.

Главная причина изменения Россией своей политики по вопросу определения правового статуса Каспия заключалась в понимании невозможности достижения консенсуса в рамках многостороннего сотрудничества. Пятисторонние встречи на протяжении десятилетия практически не давали результатов, в то время как реальная жизнь требовала, чтобы статус Каспия получил юридическое оформление.

Окончательно Россия решила для себя проблему правового статуса Каспия в мае 2003 г. (16), подписав трехстороннее Соглашение с Азербайджаном и Казахстаном о точке стыка линий разграничения сопредельных участков дна Каспийского моря. Тем самым освоение минеральных ресурсов дна северной части Каспийского моря получило международно-правовую основу.

После урегулирования правового статуса Каспия в трехстороннем формате со своими ближайшими соседями Россия сосредоточила внимание на других проблемах Каспийского региона. Набирающий процесс усиления военно-морской составляющей в прикаспийских государствах, активность США и зарубежных нефтегазовых компаний, вовлечение стран региона в обсуждение новых трубопроводных проектов, а также проблемы экологии требовали от России более пристального внимания к этим вопросам. Тем более, что в своей политике на Каспии Россия исходила из того, что масштабность ее интересов обуславливает необходимость всестороннего присутствия в регионе.

Следует отметить, что начиная с 1992 г., Россия выдвигала различные инициативы по сохранению экологии Каспия. Итогом российских усилий стало подписание в 2003 г. Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря. Тогда же Россия предложила создать совместный координирующий орган по вопросам экологии, поскольку ситуация в этой сфере требовала незамедлительных совместных действий прикаспийских государств.

Россия активизировала поиск механизмов расширения энергетического сотрудничества с прикаспийскими государствами. Так, Россия и Туркменистан подписали соглашение о покупке туркменского газа на 25 лет вперед. Это позволяло России рассчитывать на сохранение монополии на поставку туркменского газа и оставаться эксклюзивным поставщиком голубого топлива в европейские страны.

С целью налаживания регионального сотрудничества в военной сфере и стремясь не допустить участия в этой области третьих стран Россия предложила создать объединенную военно-морскую группировку на Каспии. Однако Азербайджан и Казахстан проигнорировали предложения России, предпочтя участвовать

в американской программе «Каспийский страж», тем более что Вашингтон выделил на модернизацию их флотов 130 млн долларов.

В целом стоит отметить, что после 2003 г. в российской политике в Каспийском регионе происходили значительные изменения. Основное внимание Россия стала уделять двусторонним договоренностям с прикаспийскими странами, прежде всего в энергетической сфере. Причины данных изменений заключались в том, что по мере нарастания внимания к вопросам добычи углеводородного сырья на Каспии, выбору маршрутов его транспортировки и усиления милитаризации, вопрос о международно-правовом статусе Каспийского моря в пятистороннем формате потерял для России свою прежнюю актуальность, хотя Россия не раз подтверждала неизменность российской позиции по данной проблеме.

Так, на XX юбилейном заседании Специальной рабочей группы, которое состоялось в начале 2006 г., министр иностранных дел России С.В. Лавров отмечал, что большинство статей и положений Конвенции в предварительном порядке согласовано и назвал оставшиеся проблемы, по которым требуется достичь компромисса. Это «разграничение акватории Каспия и дна его южной части, рамки военной деятельности, условия транзита и прокладки транскаспийских трубопроводов».

Что касается акватории Каспия, то Россия предлагала установить национальную зону для каждого прикаспийского государства шириной 15 миль. За пределами этой зоны вся акватория моря находилась бы в общем пользовании всех государств (в советско-иранских договорах рыболовная зона не превышала 10 миль). Российская сторона также предлагала «включить в Конвенцию формулу поддержания стабильного баланса вооружений сторон, осуществление военного строительства в рамках разумной достаточности» [15].

Данная позиция России нашла свое отражение в «Обзоре внешней политики Российской Федерации», одобренном Президентом РФ 27 марта 2007 г. В этом документе отмечалось, что «в основе нашего (России — С.Ж.) подхода по проблеме разграничения акватории Каспийского моря лежит понимание того, что задачи защиты природной среды и сохранения биоресурсов могут быть эффективно решены, если большая часть моря останется в общем пользовании прикаспийских государств. При этом каждое прикаспийское государство должно, разумеется, иметь национальный морской пояс для обеспечения безопасности и осуществления экономической деятельности» [17].

Вместе с тем в России подчеркивали, что с учетом того, что переговоры по правовому статусу Каспийского моря на многосторонней основе затягиваются и тормозится разработка соглашений, регулирующих отдельные виды деятельности на Каспии (судоходство, рыболовство и др.), необходимо придать дополнительные политические импульсы переговорному процессу. Скорейшему урегулированию международно-правового статуса Каспийского моря могли бы способствовать регулярные встречи глав государств «каспийской пятерки».

Прошедший в октябре 2007 г. второй саммит прикаспийских государств заложил основы для продолжения переговорного процесса в решении международно-

правового статуса Каспийского моря. В принятой участниками саммита Декларации было особо подчеркнуто, что переговорный процесс по правовому статусу Каспийского моря ведется в духе взаимоуважения, взаимопонимания и равноправия, общепризнанных норм международного права, в атмосфере цивилизованной дискуссии. Стороны также отметили необходимость активно продолжать эти переговоры.

В этот период энергетическая составляющая во внешней политике России прорывалась все более явственно. Так, в сентябре 2007 г. РФ, Туркменистан и Казахстан договорились о строительстве Прикаспийского газопровода. С реализацией данного проекта Россия рассчитывала получить доступ к дополнительным ресурсам газа, что должно было гарантировать бесперебойное обеспечение всех долгосрочных контрактов на Западе в период снижения собственной добычи. Кроме того, трехстороннее соглашение повышало вероятность реализации идеи В. Путина о создании «евразийского газового альянса» с перспективой формирования картеля газодобывающих стран. Наконец, предлагаемый проект был направлен на то, чтобы снизить шансы на реализацию Транскаспийского газопровода, который с 1990-х гг. активно продвигали США и ЕС.

Однако достигнутые тремя странами договоренности не были реализованы. Медленный рост потребления газа в европейских странах, финансово-экономический кризис, а также отсутствие заинтересованности в быстром продвижении данного проекта у Туркменистана, чья энергетическая политика была направлена на расширение сотрудничества с Китаем, на неопределенное время отодвинули строительство Прикаспийского газопровода.

Прилагая усилия по расширению договорно-правовой базы на пятисторонней основе в области безопасности и охраны окружающей среды, Россия учитывала продолжающийся процесс милитаризации в странах Каспийского региона, которые рассматривали наращивание военно-морской мощи в качестве инструмента сдерживания и предотвращения угроз в отношении нефтегазовых месторождений.

Данный вопрос приобрел настолько острое звучание, что нашел отражение в «Концепции внешней политики России», принятой 12 июля 2008 г. В этом документе было отмечено, что «решение задач обеспечения безопасности государственной границы Российской Федерации достигается за счет создания высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, особенно на границах с Республикой Казахстан, Украиной, Грузией и Азербайджанской Республикой, а также повышения эффективности охраны государственной границы, в частности в Арктической зоне Российской Федерации, на Дальнем Востоке и на Каспийском направлении».

В 2009 г. Россия пошла на дальнейшее расширение энергетического сотрудничества с прикаспийскими странами. В июле было заключено соглашение с Азербайджаном о поставках азербайджанского газа через российскую территорию. Речь шла о закупке с 1 января 2010 г. 0,5 млрд м³ газа с месторождения «Шах-Дениз», что позволило «Газпрому» «зацепиться» за каспийский газ [3].

Одновременно Россия стремилась восстановить сотрудничество в газовой сфере с Туркменистаном, пойдя на значительные экономические потери.

В частности, несмотря на падение цен на газ и снижение на него спроса в России и Европе в начале 2009 г., «Газпром» сохранил закупки туркменского газа по сверхвысоким ценам. В обмен российская сторона рассчитывала получить доступ к газовым ресурсам Туркменистана и добиться от Ашхабада отказа от любых планов поставок своего газа на европейский рынок.

Однако туркменская сторона не пошла навстречу российским интересам, что сделало эту сделку невыгодной для России [14]. В итоге Россия резко снизила отбор туркменского газа, что повлекло в апреле 2009 г. взрыв на газопроводе Средняя Азия — Центр-4. Лишь с 1 января 2010 г. «Газпром» и «Туркменгаз» возобновили сотрудничество, хотя объем закупаемого Россией газа был уменьшен до 10—11 млрд м³.

Наряду с развитием сотрудничества с прикаспийскими странами в России большое внимание уделяли реализации комплексной программы освоения шельфовых месторождений нефти и газа на Каспии. Эта задача внешней политики нашла отражение в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной 12 мая 2009 г. В документе говорилось, что внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе... в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии [24]. Содействовать выполнению положений данного документа должны были корабли Каспийской флотилии, перед которой стоит задача обеспечивать защиту российского судоходства, объектов нефтедобывающей промышленности в акватории Каспийского моря, в том числе и от атак террористов, обеспечивать наблюдение за добычей углеводородов, биоресурсов в спорных районах моря.

Проблеме освоения месторождений Северного Каспия было посвящено совещание в Астрахани, которое состоялось в апреле 2010 г. На нем премьер-министр РФ В. Путин отметил необходимость поддержки стабильного уровня добычи углеводородов на долгосрочную перспективу.

В середине того же года Россия начала промышленную добычу нефти на месторождении им. Ю. Корчагина, расположенном в российском секторе северной части Каспийского моря [2. С. 383]. Месторождение обошлось «Лукойлу» в 45 млрд рублей (около 1,5 млрд долл.).

В сентябре—октябре 2010 г. Президент России Д. Медведев совершил визиты в Азербайджан и Туркменистан, в ходе которых была сделана попытка сохранить влияние на энергетическую политику прикаспийских государств.

Однако визиты не отличались результативностью. В Туркменистане было принято решение отложить реализацию Прикаспийского газопровода, чтобы дождаться повышения спроса на газ на рынке ЕС. В Азербайджане было достигнуто соглашение об увеличении объемов закупок азербайджанского газа до 2 млрд м³ с 2011 г. и свыше 2 млрд м³ — после 2012 г. Данная договоренность никак не меняла общей энергетической стратегии Азербайджана, который ориентировался на осуществление поставок углеводородного сырья в западном направлении.

Россия продолжала поддерживать процесс в решении международно-правового статуса Каспийского моря, рассматривая Конвенцию о правовом статусе

Каспийского моря в качестве базового документа, регулирующего деятельность прикаспийских государств на Каспии. В ноябре 2010 г. (17) состоялся третий саммит прикаспийских государств. На нем страны подтвердили намерение завершить работу над Конвенцией. Главы прикаспийских государств приняли решение поручить соответствующим ведомствам в трехмесячный срок обсудить и согласовать ширину национальной зоны, исходя из 24—25 морских миль, включающих водное пространство, на которое распространяется суверенитет прибрежного государства.

Принятое президентами решение не получило практической реализации, поскольку в ходе прошедших в 2011 г. заседаний Специальной рабочей группы (СРГ) по разработке Конвенции о статусе Каспия стороны не смогли выработать единого подхода относительно данного вопроса.

В ходе третьего саммита было подписано «Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспии», которое для России имело принципиальное значение. В этом документе было зафиксировано ключевой для России принцип, согласно которому обеспечение безопасности на Каспии является исключительно делом прибрежных стран. Также Президент РФ напомнил о российском предложении учредить Организацию каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС), которая была задумана как катализатор интеграционных процессов в регионе.

В конце первого десятилетия XXI в. основные усилия России были сосредоточены на противодействии реализации проектов по прокладке трубопроводов по дну Каспия и освоению собственной ресурсной базы на Каспии. Так, «Лукойл» продолжал активную деятельность по разработке каспийского шельфа. Свою роль сыграла политика российского правительства, которая ввела льготную систему налогообложения каспийских месторождений.

В перспективных планах «Лукойла» ввод в эксплуатацию месторождения им. В. Филановского, извлекаемые запасы которого превышают 200 млн т нефти и конденсата [1. С. 18]. В 2013—2014 гг. должны быть проведены работы по установке на месторождении ледостойкой стационарной платформы. Объем инвестиций в инфраструктуру месторождения оценивается в 1,4 млрд долл. Начать эксплуатационное бурение здесь планируется в конце 2014 г., а добычу — с 2015 г.

После 2016 г. «Лукойл» планирует начать разработку на Каспии не менее четырех новых месторождений. Всего же на Северном и Центральном Каспии открыто 8 крупных месторождений и выявлено 16 перспективных структур с суммарными извлекаемыми запасами более 1 млрд т условного топлива. Эти показатели говорят о том, что в российской части Каспийского моря открыта новая нефтегазовая субпровинция. А это уже стратегический для страны регион, требующий развития транспорта, модернизации судостроения, строительства портов, а также заключения всеми прикаспийскими государствами Конвенции о правовом статусе моря [1. С. 19].

В апреле 2012 г. Президент России В. Путин на совещании правительства, посвященного проблемам развития нефтегазовой промышленности, заявил: «наша задача на долгосрочную перспективу — обеспечить лидерство России на глобаль-

ных энергетических рынках, гарантировать растущие потребности национальной экономики в углеводородном сырье и укреплять свои позиции на мировом рынке». В этом контексте становятся понятны усилия российского руководства в Каспийском регионе, который рассматривается в качестве одного из потенциальных источников углеводородного сырья, способного заменить падающую добычу на сухопутных месторождениях.

В последние годы в связи с обострением ситуации вокруг Ирана, возросшей активностью западных стран, милитаризацией Россия уделяет повышенное внимание военной составляющей своей политики на Каспии. В целом Каспийский регион, как часть постсоветского пространства, продолжает оставаться в фокусе внимания руководства России. В указе Президента РФ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», который вступил в силу 7 мая 2012 г., отмечается, что «развитие многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств является ключевым направлением внешней политики Российской Федерации». В условиях наращивания всеми прикаспийскими государствами потенциала военно-морских сил эта задача стала одним из приоритетных для российской внешней политики.

Спустя двадцать лет можно подвести итоги современной российской политики в Каспийском регионе. Она прошла путь от фрагментарных шагов до создания полноценной обоснованной политики. Современная политика России направлена на то, чтобы активно участвовать в решении региональных проблем, к которым относятся вопросы определения международно-правового статуса Каспия, проблемы экологии и сохранения биоресурсов, нарастающая милитаризация. Эта задача нашла свое отражение в концепции внешней политики Российской Федерации 2013 г. В ней говорится, что «подходы России к всестороннему взаимодействию с партнерами в... Каспийском регионе будут выстраиваться с учетом... укрепления механизма сотрудничества пяти Прикаспийских государств на основе коллективно принимаемых ими решений» [13].

Одновременно Россия продвигает свои стратегические интересы в регионе через систему двусторонних отношений с прикаспийскими государствами, сосредоточив внимание на разрешении вопросов, связанных с освоением и транспортировкой углеводородных ресурсов. Подобная стратегия действий позволяет России сохранять свои позиции, оставаясь ключевым региональным государством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Обзорная статья, посвященная анализу политике России в Каспийском регионе («Политика России в Каспийском регионе: итоги последнего десятилетия»), была опубликована автором в журнале «Вестник Каспия». — 2003. — № 4. — Июль-август. — С. 18—53.
- (2) Более подробное понятие «Каспийский регион» рассматривается в книге: *Зонн И.С., Жильцов С.С.* Новый Каспий. География, экономика, политика. — М.: Восток-Запад, 2008.
- (3) Документ «Позиция Российской Федерации в отношении правового режима Каспийского моря» был направлен в ООН 6 октября 1994 г.

- (4) 15—16 мая 1995 г., Алма-Ата, Казахстан.
- (5) Состоялось 28—29 июня 1995 г.
- (6) Данное предложение было выдвинуто Е. Примаковым.
- (7) Рабочая группа по Каспийскому морю была создана в июне 1996 г.
- (8) Специальная Рабочая группа (СРГ) по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств была создана на встрече министров иностранных дел прикаспийских государств (11—13.11.1996) в Ашхабаде (Туркменистан).
- (9) Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан было подписано 6 июля 1998 г. в Москве.
- (10) Срединной линией, применяемой для делимитации водных пространств между государствами с противоположными и сопредельными побережьями, является линия, каждая точка которой является равноотстоящей от соответствующих ближайших точек на побережьях этих государств. Модификация срединной линии осуществляется на основе принципа справедливости и по договоренности сторон. Модифицированная срединная линия включает в себя все участки, которые не являются равноотстоящими от побережий сторон, и определяются с учетом островов, геологических структур, а также с учетом других особых обстоятельств и понесенных геологических затрат (О правовом статусе Каспийского моря. Информация рабочей группы МИД России, февраль 2001 г. // Вестник Каспия. — 2001. — № 3. — С. 2—4).
- (11) Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О разграничении дна Северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недоропользование / Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998—2003). — Эдель-М., 2003. — С. 4—5.
- (12) Заседание состоялось 21 апреля 2000 г.
- (13) В.В. Путин посетил Астрахань с 24 по 27 апреля 2002 г.
- (14) Из выступления В. Калюжного (Иран, 3 декабря 2002 г.).
- (15) Выступление В. Калюжного на конференции «Нефть и газ Каспийского и Черного морей» / Стамбул, Турция, 27 мая 2003 г.
- (16) Соглашение подписано 14 мая 2003 г. в Алма-Ате.
- (17) Третий саммит прикаспийских государств состоялся 18 ноября 2010 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алекперов В.* Покорение трех морей // Экономика и ТЭК сегодня. — 2009. — № 11.
- [2] *Алекперов В.Ю.* Нефть России: прошлое, настоящее и будущее. — М.: Креативная экономика, 2011.
- [3] *Гонта И.* Газпром закупит азербайджанский газ // Зеркало недели (Украина). — 2009. — 4—10 июля.
- [4] Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море // Вестник Каспия. — 2000. — № 6.
- [5] *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация. — М.: Восток-Запад, 2011.
- [6] *Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М.* Геополитика Каспийского региона. — М.: М.О., 2003.
- [7] *Жильцов С.С.* Политика России в Каспийском регионе: итоги последнего десятилетия // Вестник Каспия. — 2003. — № 4.
- [8] *Зонн И.С.* Каспий: иллюзии и реальность. — М.: Коркис, 1999.
- [9] *Зонн И.С., Глянц М.Х.* Каспийский маятник (Взгляд в прошлое, чтобы понять будущее) // Вестник Каспия. — 2002. — № 4.

- [10] Зонн С.В., Зонн И.С. Природа и общество Чеченской Республики. — М., 2001.
- [11] Калюжный В. Международно-правовой статус Каспийского моря // Международная конференция «Каспий: правовые проблемы». — Москва, 26—27 февраля 2002 года // Вестник Каспия. — 2002. — № 2.
- [12] Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. — 2000. — 11 июля.
- [13] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.
- [14] Кравченко В. Какая труба до Киева доведет // Зеркало недели (Украина). — 2011. — 16—23 сентября.
- [15] Лавров С.В. Вступительное слово на XX заседании Специальной рабочей группы по определению правового статуса Каспийского моря, Москва, 14 марта 2006 года // Вестник Каспия. — 2006. — № 2.
- [16] Левин К. Чечня по банкам // Коммерсант-Daily. — 1997. — 12 июля.
- [17] Обзор внешней политики Российской Федерации. — 431-27-03-2007.
- [18] Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2001 г., № 566.
- [19] Совместное заявление Российской Федерации и Азербайджанской Республики о принципах сотрудничества на Каспийском море / Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998—2003). — М.: Эдель-М, 2003.
- [20] Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года // Российская газета. — 1991. — 8 декабря.
- [21] Соглашение между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о разграничении сопредельных участков дна Каспийского моря / Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998—2003). — М.: Эдель-М, 2003.
- [22] Соглашение между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой о разграничении дна Каспийского моря между Республикой Казахстан и Азербайджанской Республикой / Дипломатические документы по международно-правовому статусу Каспийского моря (1998—2003). — М.: Эдель-М, 2003.
- [23] Старченков Г.И. Нефть Каспия и пути ее транспортировки / Мусульманские страны у границ СНГ. — М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2001.
- [24] Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. — 2009. — 19 мая.
- [25] Урнов А. О международно-правовом статусе Каспийского моря // Вестник Каспия. — 2000. — № 3.
- [26] Федоров Ю.Е. Каспийская нефть и международная безопасность. — М., 1996.
- [27] Чумалов М.Ю. Каспийская нефть и межнациональные отношения. — М., 2000.

REFERENCES

- [1] Alekperov, V., Pokorenie treh morej [The Generation of the Three Seas]. *Jekonomika i TEK segodnja* [The Economy and Energy Complex Today], 2009, no. 11.
- [2] Alekperov, V. Ju., Neft' Rossii: proshloe, nastojashhee i budushhee [Russian Oil: Past, Present and Future]. Moscow, Kreativnaja jekonomika, 2011.
- [3] Gonta, I., Gazprom zakupit azerbajdzhanskij gaz [Gazprom will buy Azerbaizhan Gas]. *Zerkalo nedeli* (Ukraina) [The Mirror of the Week (Ukrain)], 2009, 4—10 of July.
- [4] Deklaracija mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Kazahstan o sotrudnichestve na Kaspijskom more [Declaration of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan about Cooperation at the Caspian Sea]. *Vestnik Kaspija* [Bulletin of the Caspian Sea Region], 2000, no. 6.

- [5] Zhil'cov, S.S., Zonn, I.S., Kaspijskaja truboprovodnaja geopolitika: sostojanie i realizacija [The Caspian Pipe Geopolitics: the Condition and Realization]. Moscow, Vostok-Zapad, 2011.
- [6] Zhil'cov, S.S., Zonn, I.S., Ushkov, A.M., Geopolitika Kaspijskogo regiona [Geopolitics of Caspian Region]. Moscow, International Relations, 2003.
- [7] Zhil'cov, S.S., Politika Rossii v Kaspijskom regione: itogi poslednego desjatiletija [Politics of Russia at the Caspian Region: the Results of the Last Decade]. *Vestnik Kaspija* [Bulletin of the Caspian Sea Region], 2003, no. 4.
- [8] Zonn, I.S., Kaspij: illjuzii i real'nost' [The Caspian Sea: Illusions and Reality]. Moscow, Kor-kis, 1999.
- [9] Zonn, I.S., Gljanc, M.H., Kaspijskij majatnik (Vzgljad v proshloe, chtoby ponjat' budushhee) [The Caspian Pendulum (a Glance at the Past to Understand the Future)]. *Vestnik Kaspija* [The Caspian Bulletin], 2002, no. 4.
- [10] Zonn, S.V., Zonn, I.S., Priroda i obshhestvo Chechenskoj Respubliki [Nature and Society of Chechen Republic]. Moscow, 2001.
- [11] Kaljuzhnyj, V., Mezhdunarodno-pravovoj status Kaspijskogo morja [International Judicial Status of the Caspian Sea]. *Mezhdunarodnaja konferencija «Kaspij: pravovye problemy»* [International Conference “The Caspian Sea: the Legal Issues”], Moscow, 26—27 of February 2002. *Vestnik Kaspija* [The Caspian Bulletin], 2002, no. 2.
- [12] Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [The Conception of Foreign Policy of the Russian Federation]. *Nezavisimaja gazeta* [Independent Newspaper], 2000, 11 July.
- [13] Kravchenko, V., Kakaja truba do Kieva dovedet [Which Pipe Leads to Kiev]. *Zerkalo nedeli (Ukraina)* [Mirror of the Week (Ukraine)], 2011, 16—23 of September.
- [14] Lavrov, S.V., Vstupitel'noe slovo na XX zasedanii Special'noj rabochej gruppy po opredeleniju pravovogo statusa Kaspijskogo morja, Moskva, 14 marta 2006 goda [Introductory Speech at the XX Session of the Special Working Group on Definition of the Legal Position of the Caspian Sea]. Moscow 14th of March 2006. *Vestnik Kaspija* [The Caspian Bulletin], 2006, no. 2.
- [15] Levin, K., Chechnja po bankam [Chechnya According to Banks]. *Kommersant-Daily*, 1997, 12 of July.
- [16] Obzor vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Overview of the Foreign Policy of the Russian Federation], 431—27—03—2007.
- [17] Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31 ijulja 2001 g., № 566 [The Resolution of the Government of the Russian Federation from 31 of July 2001].
- [18] Sovmestnoe zajavlenie Rossijskoj Federacii i Azerbajdzhanskoj Respubliki o principah sotrudnichestva na Kaspijskom more [The Joint Statement of the Russian Federation and Republic Azerbaijan on Principles of Cooperation at the Caspian Sea]. *Diplomaticheskie dokumenty po mezhdunarodno-pravovomu statusu Kaspijskogo morja (1998—2003)* [Diplomatic Documents on International-Judicial Status of the Caspian Sea (1998—2003)], Moscow, Jedel'-M, 2003.
- [19] Soglashenie o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv ot 8 dekabrya 1991 goda [The Agreement on Creation of the Commonwealth of Independent States from 8 of December 1991]. *Rossijskaja gazeta* [Rossijskaja Newspaper], 1991, 8 of December.
- [20] Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Azerbajdzhanskoj Respublikoj o razgranichenii sopredel'nyh uchastkov dna Kaspijskogo morja [The Agree]. *Diplomaticheskie dokumenty po mezhdunarodno-pravovomu statusu Kaspijskogo morja (1998—2003)* [Diplomatic Documents on International-Judicial Status of the Caspian Sea (1998—2003)], Moscow, Jedel'-M, 2003.
- [21] Soglashenie mezhdru Respublikoj Kazahstan i Azerbajdzhanskoj Respublikoj o razgranichenii dna Kaspijskogo morja mezhdru Respublikoj Kazahstan i Azerbajdzhanskoj Respublikoj. *Diplomaticheskie dokumenty po mezhdunarodno-pravovomu statusu Kaspijskogo morja (1998—2003)* [The Agreement between Republic of Kazakhstan and Republic of Azerbaijan on Differentiation of the Bottom of the Caspian Sea. Diplomatic Documents on International Legal Status of the Caspian Sea (1998—2003)]. Moscow, Jedel'-M, 2003.

- [22] Starchenkov, G.I., *Neft' Kaspija i puti ee transportirovki* [Oil of the Caspian Sea and the Ways of its Transportation]. *Musul'manskije strany u granic SNG* [Muslim States at the Borders of the CIS], Moscow, Institut Vostokovedenija RAN, Kraft+, 2001.
- [23] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 12 maja 2009 g. № 537 [The Decree of the President of the Russian Federation of 12 of May 2009 # 537]. *Rossijskaja gazeta* [Rossijskaja Newspaper], 2009, 19 of May.
- [24] Urnov, A., O mezhdunarodno-pravovom statuse Kaspijskogo morja [On International Legal Status of the Caspian Sea]. *Vestnik Kaspija* [The Bulletin of the Caspian Sea], 2000, no. 3.
- [25] Fedorov, Ju. E., *Kaspijskaja neft' i mezhdunarodnaja bezopasnost'* [Caspian Oil and International Security]. Moscow, 1996.
- [26] Chumalov, M. Ju., *Kaspijskaja neft' i mezhnacional'nye otnoshenija* [Caspian Oil and International Relations]. Moscow, 2000.

RUSSIA'S POLICY IN THE CASPIAN REGION: THE PRESENT STAGE

S.S. Zhiltsov

The Department of Political Science
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article considers the evolution of foreign policy of Russia in the Caspian Region at the present stage (1991—2012). It analyzes the changes in the Russian foreign policy approaches to the key problems of the region: international legal status of the Caspian Sea, extraction and transportation of the Caspian hydrocarbon resources, militarization and ecology.

Key words: Caspian Region, policy of Russia, international legal status, hydrocarbon resources, ecology, militarization.